

Май-август, две тысяч шестой год. Земля. Ал Ар.

Иногда мне кажется, что обычная жизнь, это "День Сурка", меняются шторы, обои, машины могут смениться, но заведённый порядок повториться вновь. Именно за этим нужны дети! Они растут на глазах, вносят хаос, разнообразие. Они разрушают зачарованный круговорот событий.

-- О, ты уже ползаешь? И не рано тебе? - хотя, да, восемь месяцев меня тут не было. Сашка за это время отъелся, вымахал. Скоро ему год.

Катя родила девочку, назвала её Олей. Костя не получая от меня загадок сдал экстерном школу и поступил в институт, заочно, продолжая поддерживать связи с научными кругами и посещать архивы. - Иди дяде на ручки, дядя только маску ломает... От же м-м-марвел. Ой, ты лёгонький какой, не страшно? Не понял ещё? А ну ка, кути-кути-кути-ку. Теперь точно не страшно, да? Вот и славненько.

Мальчишка на руках был хрупким. Я точно знал, одно неосторожное движение и это будет мешочек с костяным кровавым крошечком. И мне совсем не хотелось его преждевременной кончины.

Саша бессмысленно водил глазками по комнате не задерживая зрачков на мне.

-- А так? - начал я его подкидывать. Смеётся. Реально смеётся.

-- Хвост, держи его. - взял я мелкого в кольцо. - Смотри, чтоб не поранился. Кач-кач-кач, машина ехала по кочкам, прыг-прыг-прыг, сорвалась со обрыва айя-йя, полетела-полетела жу-жу-жу, ой мама на твой смех идёт, ползай сам.

Мальчик расстроился, что его игрушка сбежала и проводил хвост глазами! А мама застала только плачь. Так тебе.

Каткина Оля девочкой была тоже подвижной. Шесть месяцев. Вся в делах.

Играла с кончиком хвоста, хоть и не видела. Грызла мои пальцы. Очень любила кататься на хвосте.

Чтоб мамы не мешали отвлекал их своей силой или усыплял. С детьми было забавно.

-- Хвост, мне кажется, она нас видит. - поделился я наблюдением с этим напыщенным жлобом. Изображает тут из себя обиженную невинность. Отдали его видишь ли на растерзание ребятне в качестве качелей! Ха! Будто я не знаю, как ему приятны нагрузки которых на Земле вне тренировочной площадки и не найдёшь.

Хотя игры с детьми тут не причём. Просто мне снова скучновато и подсознание и тело так показывают своё отношение к затянувшимся каникулам. А я их не одёргиваю, беря часть своего тела под постоянный контроль, пусть лучше с подсознанием идёт диалог, чем... Просто лучше и всё.

-- Кто тут у нас не спрятался? Кто это тут хочет чтоб его щекотали-щекотали-щекотали. Хоп, а где у нас Оля? - закрыл я глаза ладонями -- вот у нас Оля! - смеётся, чувствует, видит, как и её брат двоюродный, а остальные не видят, хоть и чувствуют, что-то в моём присутствии.

Вывод? Мало статистических данных. Ну, есть дом ребёнка, есть роддом. Всего-то и делов.

-- Ой, вот Оля! Оля, полетели? Полетели, полетели. Полетели. - кружил я девочку под потолком и спуская к самому полу. Оказывается даже пустым нужно общение, внимание и забота, не важно на него она направлена или от него. В Пустом Мире это узнать было довольно проблематично.

Забота укрепляет тело. Возня с детьми и медитации во внутреннем мире с полным погружением избавили меня от расплавленной жижи текущей по венам. С болью, конечно хорошо, но без боли в тысячу раз лучше.

Олин папа предположил, что у них поселился домовый... Теперь мне печеньки с молоком оставляют. Я даже выпил пару раз. Первый для проверки теории о добровольных дарах-жертвах, второй, чтоб убедиться, когда их отношение к ритуалу изменилось и относиться они стали серьезнее. Как было на вкус стеклом, так и осталось. Поэтому в дальнейшем молоко выливал, хлеб растирал и выкидывал.

А уж как их рожи-лица вытянулись, когда по всей кроватке их дочери вышла вязь славянских оберегов... Это был... аха-ха, это... было... ха-ха-ха.

Правда сутками ранее у Саши на кроватки появился подобный орнамент, но они не поверили по телефону, а в гости не зашли.

Мне в принципе плевать на всю эту муть, но во первых, весело, а во вторых смотри пункт первый.

Нет, это всполошило родителей и бабушку конкретно. Наконец-то!

Были споры и пересуды. То хотели детей в охапку и крестить. Катя упиралась. Крещёных тьма тьмущая, а тут явно выделяют. То хотели связаться с сектантами которые используют ту же символику.

Колбасило их из крайности в крайность недели две, пока не приехал с сессии Костя и не сказал: пусть подрастут и сами решают. Всё веселье обломал, гадёныш.

В месть ему начертал валькирию ему на костяшке среднего пальца на правой руке. И кровью прям очень изрядно своей пропитал. Рука в итоге опухла, через три дня покраснение прошло, но шрам получился чёткий и красивый.

-- Будет знать, как влезать в разговоры старших. - кивнул я на свои действия, признавая их справедливость.

Сентябрь, две тысячи шестой год. Отступление.

Городок на периферии страны не трясло и не содрогало. В новостях не было ничего необычного. И даже наблюдающие за районом Волхвы и Ведуны не отмечали особых странностей.

А тем временем один Пустой, как внимательный педиатр ходил от квартиры к квартире, заглядывал и в коттеджи и частные дома, делая пометки в памяти: реакции нет; объект реагирует, поднадзорный умер, тяжёлая болезнь и прочая.

День за днём, неделя за неделей, круг его наблюдаемых ширился, так как он был ежедневным гостем обоих роддомов города.

У детей которые иногда следили за его руками, и реагировали на игры с ними, появились шрамики в виде трилистника в круге лежащем на середине лепестков. Обычно сзади на шее, или вокруг пупка, но у некоторых мальчиков на висках.

-- Хм, не хорошо получилось. Слишком много случаев, не могло не привлечь внимание. Хотя мои маленькие не мечены, а у старших знак другой. - прикинул он на вскидку количество домов и следов, что он оставил. - Жухлая морковь с тухлым салом! Теперь придётся и тут пыль пускать.

Тэк покачал головой. И сокрушённо вздохнул.

-- Не мог раньше сказать? - с претензией посмотрел он на хвост.

-- Молчишь? Вот так и промолчал, а мог б одёрнуть, когда я татуажем начал промышлять на несовершеннолетних. Ааа! - махнул Пустой рукой. - Уже не важно, да?

Хвост молчал, как хвосту и положено. Тэк ещё раз тяжело вздохнул. Предстояла долгая дорога и много однотипной работы.

-- Сам виноват. Думать надо. - буркнул он себе и зашагал дальше.

Ноябрь, две тысячи шестой год. Земля. Ал Ар.

-- И так, подобьём дебет. Кровь на людей уже рождённых влияет мало. В основном они становятся лишь немногим чувствительнее. Что с ними твориться, когда берёшь их на руки или иначе взаимодействуешь с ними, не понимают, пугаются. Зато на плод в утробе влияет значимо. Основная масса подопытного материала может как минимум видеть силуэт, на раздражители реагируют адекватно ситуации, напугать их сложнее. Примем, как данность. Третий год Земли, четвёртый месяц, третий день. Запись закончил.

-- Полетели, Хвостик, по стране мотаться. Этот хоть и будет проходить в деле, как нулевой, но с этим ничего уже не поделать. - в городе я закончил.

Да, пожалуй в том же Ирии с их расчётом товаров-услуг я бы сделать ничего не смог. Шовинисты они, и к моему виду предвзято относятся, это раз, и денег не приемлют.

На земле в этом плане вольготно. Показал оранжевую бумажку с пятёркой и тремя нулями, ты уже любим. Десять сделают тебя лучшим другом, сто заставят преступить закон даже законников, тысяча решает проблемы уже на политическом уровне. Десять тысяч начинают вызывать вопросы, но позволяют рулить судьбами сотен и сотен людей.

Раньше я об этом не задумывался. Что даёт власть бумаге? Почему люди с этим согласны?

Удобство? За удобство платить своей безопасностью? Свободой? Страной?

Тем не менее, им же хуже, мне хорошо. Раз всех устраивает, то, мне то что? Мне тоже удобно.

Это к чему, Хвост?

-- Мария Семёновна, здравствуйте. - в динамике она должна слышать механический голос. Я текст набираю на клавиатуре ноутбука и слышу ответы.

-- Здравствуйте, кто это?

-- Мы осколки прошлого. Мария Семёновна, вас устраивает ваша пенсия, дорога куда катятся руины страны которой вы отдали всю свою жизнь?

-- Кто вы? Что вам нужно? Я сейчас в милицию позвоню!

-- Значит вас всё устраивает. Мы ошиблись. И вам не нужно дополнение к вашим крохам. Простите за беспокойство, Мария Семёновна. Прощ...

-- Пойдите. О чём вы? - на АТС записи о разговоре не останется. Этого звонка вообще нет.

-- В вашем городе происходят необычные события. Они вполне положительны и не несут угрозы. Но новые шакалы у кормила способны на разное. Нам нужны ваши услуги. Чтобы вы присматривали за несколькими семьями. Вечером составляли краткое описание странностей и немедленно сообщали если сами семьи или их дети исчезнут.

-- Да как я могу? У меня и возможности такой нет.

-- Если вы согласны, вам всё доставят, объяснят и покажут. Тогда же вы узнаете, размер нашей благодарности.

-- Это очень странно. Что вы хотите от них?

-- Их безопасности.

Да, схемка хиленькая, но на одного соглядатая не приходится больше пяти семей. Находятся те в их районе, в их дворе, на их улице. Каждую семью контролирует три наблюдателя перекрывая половину сектора двух других.

Подогнать пенсионерам, и инвалидам ноутбуки вообще не составило проблемы, как и нанять два десятка студентов которые обучали их заходить на почту, писать и читать письма, открывать ссылки и прочим будням пользователя интернета.

В конце-концов им приходил на почту адрес куда писать отчёты, какая сумма им за это полагается и номер экстренной связи, если с семьями или детьми произойдёт что-то плохое.

-- Хвостик, как думаешь, они нам много строчить будут? Всяко меньше, чем раньше читал. А Пустые не спят.

Надеюсь, если что, то дня за три, пока след не рассеется я добраться успею.

<http://tl.rulate.ru/book/51273/1293664>